

Ольга
ПОСТНИКОВА

Ольга
ПОСТНИКОВА

ПОНТИЙСКАЯ
СОЛЬ

ОЛЬГА ПОСТНИКОВА

Поэтическая библиотека
Серия основана в 1993 году

ОЛЬГА ПОСТНИКОВА

ПОНТИЙСКАЯ СОЛЬ

Москва 2014

ВРЕМЯ

УДК 821.161.1 – 1

ББК 84Р7 – 5

П63

Оформление – Дмитрий Минеев

Постникова О.Н.

П63 Понтийская соль. – М.:Время, 2014.- 64 с. – (Поэтическая библиотека).

ISBN 978-5-9691-1241-4

Ольга Постникова – поэтесса, автор рассказов и статей. Член Союза писателей Москвы, лауреат литературной премии Фонда А. Тепфера, Германия (1994). Стихи Ольги Постниковой публиковались в различных Поэтических альманахах, литературных журналах, включены в престижную антологию «Строфы века», которую составил Евгений Евтушенко. Подборки стихотворений переведены на английский, болгарский, польский и другие языки. Отмечая самобытность и оригинальность поэтического языка Семен Липкин считал О. Постникову «зодчим слова», а Дмитрий Быков назвал одно из ее стихотворений «Радуйся!» – «гениальным». В новую книгу «Понтийская соль» вошли стихотворения разных лет.

ББК 84Р7-5

©Ольга Постникова, 2014

© «Время», 2014

Как хочу я забыться,
и брызги с лица отирать,
И ступни обдирать
о булыжник из розовой яшмы,
И доверчивым «ты»
по утрам заполняя тетрадь,
Путать день предстоящий
и позавчерашний.

Я придумала всё,
что так тихо тебе расскажу,
Всё, что я прошепчу
над голубенькой впадиной шейной,
Оттого я без сна в это черное небо гляжу,
Мои губы проснулись от нежного жженья.

В нашем странном родстве
не узнали мы всей полноты.
Еле помню лицо,
точно щурюсь от солнца над кровлей.
Но откуда заранее знала я эти черты,
Эту выпуклость губ,
эту гладкость надбровий...

И когда воробьи наклюются уже допьяна
Винограда и тёрна
в проросшей татарской ограде,
Ничего мне не надо, есть эта минута одна
Ожидания, сладостной рези во взгляде.

Гора Митридат

Гора Митридат в Керчи – место,
где жили боспорские цари,
главная огневая высота города
во время Великой Отечественной войны.

Посылали смотреть,
что наука в земле откопала.

Только то и увидела,
что война погубила.

Мне гашеная известь
в порезы на пальцах попала
И линию жизни прижгла и углубила.

И двухтысячелетний,
таящийся уголь Митридата

Вдруг траву подпалил,
что от веку никто не косил.

Но огонь добежал
до забытой могилы солдата,

И обжечь еще раз эту землю
у пламени не было сил.

И в огне поминанья,
где ржавь патронов нетленна,

Я уже не могла
на античные сколки глазеть,

Я увидела только
несчастный десант Эльтигена.

Эти мальчики в флотских ботинках,
портянки из ветхих газет...

Счастья не было здесь,
эти тысячелетья жестоки.
На двугорбой горе,
где никто никого не зовёт,
Созревает шиповник
и рдеет на солнцепёке,
И на бабочке каждой
траурный зольный налёт.

Я тайные слова свиваю
И, отключая слух и взгляд,
Я чёрный свитер надеваю,
Иду в потёмках наугад

По лестницам и коридорам
Я в чёрном свитере твоём,
В том чёрном свитере, в котором
Спокойно, словно мы вдвоем.

Он точно шелковистый кокон,
Готовый прятать и хранить,
И ловит золото из окон
Его мерцающая нить.

На нем пыльца скупого Крыма
И копоть праздничной Невы,
Как будто тьма меня укрыла
Теплом крупитчатой канвы.

В нем задыхающейся речи
Неосторожные слова.
Как плащ кладу его на плечи,
Узлом связавши рукава.

Так мы одеждой поменялись.
Зажмурюсь я до черноты,
Чтоб никогда не поминались
Отныне розно я и ты.
1978

Город Керчь

Отмечен каждый год камней тысячелетних
Здесь оспенным теслом, и пепел с них не сдут.
Чего боялись мы, в каких минутных сплетнях
Здесь наши имена мелькнут и пропадут!

В цветении скупом, в прозрачном жаре Крыма,
Над грунтом всех эпох в семиметровый пласт
Как было нам легко пройти навеки мимо,
Уехать и забыть полынь его и сласть.

Серебряность маслин его неповторима,
И вымостки дворов, и переулков скат,
Где храмов алтари и капители Рима
Обрубленно лежат фундаментами хат.

Надменный, полон он украинскою речью,
Но к синьке не привык щербатый камень стен.
О, бедный город мой, зверинец человечесий,
О, деготь и чабрец, и жар его, и тень!

Его горы чудной божественно приволье,
В цвет выжженной травы все бабочки его...
Благословлю опять – и в самой большей боли! –
Хоть он не пощадил ребенка моего.

Так выболели мы его хандрой и астмой,
Из хамства и любви такую пили смесь,
Что он дороже стал столицы распрекрасной,
Как будто бы для нас и был он создан весь!

1977-1978

Я нашла на горе такую игрушку –
Вроде как от куколки твёрдая ручка.
Но тревожно мне, что не разгадала,
Может, это черенок, костяная ложка?

Археолог мудрый сказал спокойно,
Что везде под стенами фаланги пальцев
Здесь разбросаны, сотнями их находят,
А в коллекции не берут, не нужно.

Я бурьян раздвинула, грунт разрыла,
На сухой земле сделала лунку,
Схоронила бедную эту костку,
Безымянного воина помянула.

Ты, беспальный, давно уже в Аиде
Или в Божьем раю, за доблесть прощённый,
Или в полном небытии, даже без похоронки,
Безотцовщиной выросли твои дети.

Купанье

Вот девочка входит,
нарушив спокойствие брода,
Сосков осмелевших
означился розовый мак,
И впадина нежно чернеет,
а горькие бедра
В реке обмелевшей
не можно упрятать никак.

«Худа и смугла,
и скорее дурна, чем красива»*,
Готовая гибнуть,
ты смотришь в её чистоту.
Спросила – о чем? –
и забыла, и переспросила,
И с белым агатом
сравнила ее наготу.

* Цитата из стихов о Сафо, не помню, из чьих: Алкея, ее современника, или Катулла, жившего гораздо позднее.

Холщёвое платье свое
 уронила и пела,
Как мало – владеть,
 это жалобный дар – целовать,
Ты больше вдвойне, ты, как вечности, алчно хотела
Те линии тела
 впивать и запечатлевать.

Когда на песке
 от волны предвечерней морщины,
Античная нега
 касается байковых лож,
Ты вновь, как Сафо,
 с сожаленьем глядишь на мужчину
И зябнущих плеч
 продлеваешь блаженную дрожь.

1976

Весенних оргий символ
Найти мне повезло.
Горсть этих бусин синих,
Античное стекло

Случайно ли попало
В промоине гряды?
А ты стеклянный фаллос
Хранила на груди.

До нашей эры пелось
В курении смолы,
Ты отряхнула пеплос*
От жертвенной золы,

Неся кристально-синий,
Сапфировый кулон
Сквозь гром землетрясений
В пантикапейский** сон.

Но по камням и глинам
К руинам римских стен
Венок, петроселинум***
Я принесу в обмен,

Чтоб твой покой был долог,
А полог ночи слеп...
И чтобы археолог
Не отыскал твой склеп.

* Длинное складчатое платье.

** Пантикапей – античный город в Восточном Крыму (на территории г. Керчь). Основан в 1-й половине VI в. до н. э.

*** Гостей на пирах увенчивали венками из петрушки.

На керченской набережной, где волна
Скамеек легко достигает,
Чугун и бетон остужает она
И в море опять убегает.

Где из-за холеры купаться нельзя,
А влезешь – никто не ругает,
Тогда тебя свет облегает, скользя,
Обнимет – и оберегает.

Усталые руки, больные глаза
Излечатся, горе истаёт.
И ласковой плетью влезает лоза
И легкий балкон оплетает...

Когда же от церкви мы к морю идём,
Волна зеленеет и блещет,
Она, перламутровым зрея дождём,
В корпускулах света трепещет.

Обратно бредем – и вода голуба,
Спокойна понтийская влага,
Глядит Митридат на холмы Юз-Оба
И букочки «Универмага».

Проверь, не обманешься, шеей вертя:
То зелено, то бирюзово.
И двойственно море в узлах и сетях
Трехтысячелетнего лова.

Проклятье

Зубы белы, точно гжель,
Но глаза глядят, как в щель.

Отчего же ты несчастен?
Разве к этому причастен
Твой живой, твой зоркий дар?
Как он связан с чуждой верой
И с отцовскою карьерой,
С выселением татар?

Там на вывоз дали сутки.
Это стон овцы и суки,
Ноша, выжавшая руки
До полынной синевы.
Это гонят вслед за всеми
Те заплаканные семьи,
Где уже погибли внуки
За спасение Москвы...

В их дворах, где тесно грядам,
Где никак спокойно рядом
Не уставишь две ступни,
Одичавшим виноградом
Поминаются они.

Все кривишь сыновний рот.
Болен твой сановный род!

Мусульманского проклятья
Всем сынам и малым братьям
Не избудешь никогда.
Пострашней Инты и плена,
До четвертого колена
Припечатана беда.

И дана такая доля,
Что и морем алкоголя
Бред опричный не уймешь,
Не забудешь в крымском зное
Той державной паранойи
Истребительную мощь.

Ни любовь, ни сладкий спирт
Не спасёт, не усыпит.

Но земля тебя лелеет,
Ненавидеть не умеет,
Лозы щедрые долит.
И дарует в куче гальки
Твёрдый, радостный и жалкий
Красный камень-сердолик.

1980

От жизни всей моей отличная пора...
Милетский выкормыш,
 античная дыра,
Гора огромная, священная гора.
Казалось – шутка, оказалось, не игра.

Анекдотический мы начали роман,
Но нас объял
 эллинистический туман,
Как бред мистический,
 морока южных стран,
И мы с тобой почти что умерли от ран.

От этой улицы ступенчатой, пустой,
От этой лестницы,
 изъязвленной, крутой,
От этой молодости и от страсти той,
Что город грязный
 наполняла красотой...

Не надо жаловаться, это навсегда:
И колоннада, и бегущая вода
На склонах глиняных,
 в запущенных садах...
И я клянусь,
 что это все – не ерунда!

Прорицания древности

В именах античности,
в знаках алхимии –
провиденье наших трагедий.

Уран, что попятным движением
смущает азы астрономии,
Уран, что потомство свое
свел под землю,
как нас он сводил в бомбоубежища...

Распад семьи, и распад личности,
и распад элементов...
Как огненно уран
превращается в свинец,
способный к метаморфозам от крови!
Свинцовое время, Сатурново время,
детей своих пожирающее...

Нет на Сатурне голубого неба...
Но в этот угол вселенной,
младенчески названный «Галаксией»,
вернутся ли сатурналии
с декабрьским их весельем,
запретом воевать?

где свинец –
лишь грузила для рыбной ловли...

Когда бессоннице на помощь
Никак нейдет начало дня,
Ну, что ты про меня запомнишь,
Что ты запомнишь про меня?

Запомнишь гаснущую полночь,
Плацкартный сумрак и постель,
Когда в ноябрьскую метель
До утра небо не темнеет,
И бедный рот деревенеет.

И что я про тебя узнаю,
И что ты про меня узнал,
Когда целую, причитаю
И задыхаюсь от похвал!

И мокрых глаз не открываю,
Опять-опять не успеваю
Тебе себя пересказать.

Гравюрой Дюрера над нами
Старик с песочными часами,
И странно в памяти связать

Весь этот год больной минувший
С той гололедицей дорог,
Где я спала, лицо уткнувши
В твой темно-красный свитерок.

Как я люблю твой голос отдаленный,
Как мне тепло от трубки телефонной...

И ничего не надо мне взамен.
Угадываю говор твой неясный
И всё смотрю, как белый цикламен
Дрожит и клонит стебель темно-красный.

А этот дом промерз от сквозняка.
Побудь со мной хоть так, издалека.

Сентиментален, робок, неумён
Наш текст, его я ночью повторяю,
Но сколько знаю для тебя имен,
Хоть телефону их не доверяю!

И как в детдоме брошенному брату,
Всё жалуясь, приникнув к аппарату.

И жизнь моя как путь из Иванищ,
От церкви на бетонную дорогу.
Я не живу, когда ты не звонишь,
Слова любви шепчу тебе по слогу.

1977

Кириллов монастырь и перламутр озер,
Простор немислимый, божественный обзор.
Колючий дождик до земли не долетал,
В лучах вечерних испарялся, воспарял.

И злые мухи, оводы-слепни,
Российские вампиры не летали.
Сердца стихали, в этот миг они,
Как в ожиданье чуда, трепетали.

Гора горой Маурою звалась.
И, влажным семицветьем истекая,
На эту жизнь и вечность, их смыкая,
Двойная радуга концами оперлась.

Чем счастливы мы были, что так рады,
В два взгляда мера даль по сторонам,
Когда из-под громадной арки радуг
Лишь трактор выехал навстречу нам...

Больница

Не могу, не могу я проститься
С этим углем ресниц и орбит,
Не могу заусениц мизинца,
Заусениц мизинца забыть...

После боли, и страха, и крови
Ни в один не уложится стих
Эта шелковость щёк и надбровий,
Эта сухость запястий твоих.

С этой тягой, почти неприличной,
В непривычной одежде иду
К изголовью постели больничной,
Где меня ты не помнишь в бреду,

Где на белое – чёрно и ало,
Где так мокро от жара и льда...
И не столько нас счастье связало,
Сколько эта связала беда.

Разве знала я, как отомстится,
Как накажет за прошлое Бог,
Приказав нам навеки проститься:
Чтоб ты писем писать мне не мог.

О, сестра моя, Пенелопа,
 вяжешь-вяжешь и вновь распускаешь...
Эту кротость и юную робость,
 унылую верность до гроба
 ты кому сохраняешь?
Ты кому сочиняешь
 пушистые зимние ласки?
И мечтой согреваешь
 эти легкие спицы на леске...

Не придут женихи,
 их обманывать вовсе не надо.
На столетья работы задумано,
 не на день, не на год.
Лицевая, изнаночная, накид...

Муж навеки пропал,
 вся отрада твоя – эти сетки цветные,
Эти петли двойные, тройные,
 эти мысли хмельные,
Эти путы, узлы, эти узы, –
 узы родства!
Ты кого дожидаясь,
 соломенная вдова?

О, сплети себе
 охранительный пояс из вервия,
Тот шнурок шерстяной
 от безумия да от безверия!

Это – страсть созидания,
 это – плотина рыданию,
Этот счет – ожидание,
 это вязанье – гадание.

Ненасытна в труде,
 как была бы в любви и родстве неизбывна...
Бабьей силой живуча Россия,
 так что же краса нелюбима!
В пятом классе не выучившая «Одиссеи»,
О, сестра моя Пенелопа,
 как пальцы твои обрусели!

Я помню, как в первый раз
Мы встретились почти после смерти.
И что для себя попросить, посметь я
Могла в этот больничный час...

Для меня Бог тебя спас,
Ничего больше у меня не было:
Ни окна, ни дома, только ты на белом,
С чернотой прощенья возле глаз.

Факел Капотни со мной
В ознобной осени был каждой ночью.
Я все ждала утро, эту возню сорочью,
Примету, что выживет больной.

Брошенный город

Шиповником и змеями

наполнен Илурат*,

И лестницы его ведут на небо.

Развалины обвеяны, засеяны стократ,

Но здесь любви исчерпана потреба.

Не так ли ты, судьба моя,

истёрлась от подошв,

Но все ушли и не хотят обратно...

Здесь терракоты рыжие,

здесь впитывают дождь

Разбитые улыбки и объятья.

Камней каверны спрятаны

в четырехцветных мхах.

Так из твердыни мраморного знания

Коварными песчинками

измолотые в прах

Любимейшие вырваны прозванья.

Лети, перекасти-поле,

цвети, цвети, полынь,

Коричнево-лиловыми клубами,

Живая горечь памяти,

ты в бездну сердца хлынь,

Ожги родства горячими губами.

* античный город вблизи Керчи.

По колени в снегу и по плечи в сирени
Эта церковь стоит на развалке жизни моей.
Там, где выбиты стекла, такие глубокие тени,
Будто черные впадины бешеных царских очей.

Здесь на сердце легло твое имя впервые,
Не видала еще, но навек полюбился мне ты,
Где под звездным окошком стояли репы вековые,
Номерные заводы и труб огневые хвосты.

Село Остров, 1980

Не прикоснись, мне больно, если вдруг
Ладонь твоя на грудь мою ложится,
И тело отстраняется от рук,
И вновь догадку выдохнуть страшится.

Чем ты сильнее обнимешь, тем слышней
Той женщины укоры и рыдания,
И там, где сердце бедное у ней,
Мне гибельная завязь душу давит.

В окраинной больнице в бледный лист
Вместится искупительное сансер,
Щербатым лестницам известно лишь
И ликованью керченских акаций...

Курганы Крыма

Всю жизнь разрубила мне мойра-судьба
Виной, что тяжеле меча иноверца.
И снова воздвиглись холмы Юз-Оба,
Как воспоминанья смятённого сердца.

В них столько бесценной златой тесноты,
Неотданной радости, плачей разлуки.
Зачем я везу в этот край теплоты
Порочные губы, неверные руки...

Я тысячелетьями не замолю
Проступок безумный, безвольный, нелепый.
Но знай же, я намертво, вечно люблю
И холодно, как митридатские склепы.

Там на штукатурке синеют в тиши
Венки погребальные в нежном вощенье.
И снова уйдут в катакомбы души
Слова покаянья, мольбы о прощенье.

Но сколько тут знаков счастливых времен,
Цветов, чьи названия мы потеряли,
Бесхитростных ликов, античных имен,
Стихов, что с тобой вперевод повторяли...

Сожги и это позднее письмо,
Смешно желать,
 чтоб ты хранил у сердца.

Оно готово и оно само
Не ждёт уже иначе отогреться.

Оно так резко примется гореть,
Как черный колос
 в штемпеле одесском...

Так мы с тобой
 в романе полудетском
В какой-то миг
 всё ждали умереть.

И, белизну больницы воскресив,
Замечется
 линованной страницей.

Лети, лети,
 мой жалобный курсив,
Чтоб горечью горенья
 сохраниться.

И тайный Таллин,
 тайный Ленинград
Вместят туманы
 в тонкий дым эфирный.

И взял моделью
 Фидий для Афины
Азийскую гетеру, говорят...

Это локаторы ищут в ночи
Облако чуждой весны,
Но змееногой богине Керчи
Пришлые разве нужны?

Это железных орудий ощер
Поднят на каждый курган.
Это – прохлада жилья христиан,
Известняковых пещер.

Каждый тут лишний и каждый устал,
Бога и род позабыл.
Кровных наречий не помнят уста,
Каждый не знает, кем был.

Камыш-Бурунским зловонным дымам
Молится в гуле небес.
Дыбится белым бетоном АЭС,
Где-то в тумане – Тамань.

Это – милетских* торговцев суда.
Станет родным и живым
Всё, что чужое приходит сюда
Вечным путём роковым.

Это – манящий маячный огонь,
Сладостные имена.
Нет, не угрюма, как думал Страбон,
Странная эта страна.

* Пантикапей основан выходцами из Милета.

Животворяща боспорская грязь,
Тысячелетий раствор.
Розность в такое выходит родство,
Даже в загробную связь!

Сто лет прошло – и я уже другая,
И я с трудом у сердца вымогаю
Сочувствие к прошедшему житью.
Я буду жить окрепшей, нелюбимой,
Не тою, что со склянкой альбумина
Неслась в больницу сквозь судьбу свою.

И хоть бы мне заплакать, хоть бы вспомнить
Тех бесконечных, тех стерильных комнат
Казенный воздух и казенный мрак!
Нет, лишь в стихах я прошлое листаю,
Своей любви отчаянье читаю,
А новых слов не нахожу никак.

1982

И когда я смотрела с горы на пожар,
Был он страшен,

и огненный каждый кинжал

Предпасхальное вспарывал небо.

Даже зренье сжималось

от взорванных масс.

В абрикосовом цвете

боспорских террас

Древнегреческий полис

дымил и не гас,

Призывая злорадную Гебу.

Этот город, ты знаешь,

кусает в глаза,

Он окалиной брови чернит, и нельзя

Даже в снах от него отказаться,

Откреститься, отдуматься:

вот он каков,

Простояв двадцать шесть

напряженных веков!

Эти ветки

под сгустками желтых цветков,

Перебогшие гарь оккупаций...

Это белый булыжник

покатых дорог,

И читается пьяный отвергнутый бог

В акротерии арки надвратной,

Это зной виноградный
и привкус дурной,
Это керченский ветер,
смертельно родной,
С черной фабрики агломератной.

Здесь, где армии гибли во тьме катакомб,
Где бездонны хранилища
бешеных бомб,
Где мутанты-растенья в Нимфее,
Разгорясь кукурузною
горькой стернёй,
Он пылает,
он криком кричит над страной,
Этот город,
избитый враждой и войной,
И я плачу, спасти не умея.

1991

В этом прямоугольном закате
Ты, наверно, забыл обо мне.
А на географической карте
Караваны идут по стене.

Эта карта старинной печати,
У верблюдов кривые горбы,
И в печали бумажной клетчатки —
Две-три надписи, пункты судьбы.

И кровавыми креслами Фалька
Освещается бледность простынь,
Только ласковость скользкого талька,
Невесомая хрупкость пластин.

Мы простились, а это фрагменты
Наших скорых случайных жилищ,
Диафильма недетского лентя,
Где, смеясь, после жизни лежишь.

Что же ты умираешь вторично?
Я однажды уже прожила
Это таинство смерти публичной,
Эти предгробовые дела.

Надо так уходить монотонно,
Надо так планомерно стареть,
Чтоб из памяти магнитофона
Даже голос любимый стереть.

1991

Есть в Херсонесе места,
где нарушена времени сплошность.

Так же колонны лежат,
как упали в пожаре осады,
Грубо расколот алтарь
тесаком озверелым славянским,
Зыбок мозаик узор,
сохранивший павлинов и плющ.

Что же так сердце болит
над осколками чернофигурных
Ваз привозных? Ведь они
не кощунственным жестом разбиты, –
В храме, в торжественный час,
в благовонном тумане, нарочно,
В жертву богам принесён
каждый священный сосуд.

В яме лежит черепок
и на нём процарапаны буквы.
Имя ли то гончара,
хозяина или хозяйки?
О, неужель предо мной
остракон с приговором к изгнанию?
Люди истлели давно,
вечны лишь их имена.

Херсонес

Ах, лаванда, лаванда, лаванда,
Сизый стебель и синий цветок –
Светоносной Эллады прохлада
И Востока тряпичный восторг.

Так Сафо, притворяясь коварной,
Говорила на ложе: “Уйди!”,
Чтоб лавандовой каплей янтарной
Озлатить полусферы груди.

Может, выжженной степи отрада
Голубых генуэзских кровей?
От прищура, от скифского взгляда
Расцветающий пух голубей...

Боже-боже, какое родное!
Неужели нашла, наконец?
Средь развалин ты встал предо мною,
Севастопольский смуглый беглец,

Дезертир необъявленных армий,
Чья полтавская мова сладка,
Подарил мне лаванды базарной
Два тугих, два блакитных пучка.

Византийскою смолкой сухою
Аромат её реет впотьмах.
Ах, распалась пахучей трухою –
Только серый лавандовый прах...

1981

Стихи от мужского имени

В ней все невероятно и любимо,
Не спрятать в подсознание никак,
Так неизменно и так неистребимо –
Кудрей запретных пряный аммиак,

И слез её особая соленость –
Вся Меотида* в капле на губах.
Мой поздний страх,
 последняя влюбленность,
Медовой мглой отяжеленный пах.

Но юных вен ручьи и разветвления –
Вероники султаны и цветки –
Питают жаром сладостного тленья,
Едва читаясь в гладкости руки.

Лишь бабочке, лишь белой мнемозине,
Льняного платья чужа аромат,
Два паруса в фабричной саже синей
Над ней вздымать, смыкать и разнимать.

И тыкаться – младенчески, спросонок –
В тепло груди, в родное забытьё,
Искать крыла бесхитростный рисунок
В созвездьях бедных родинок её.

1980

* Древнегреческое название Азовского моря.

Она тебя любит, как будто играет на флейте,
И с лепетом влажным уйдя в полотняную Лету,

Под белой волной она прячет смущенные губы,
Сгущенное счастье – целуя, губя и голубя.

И тело, наполнившись невыносимую новью,
Не чует во тьме, где изножие, где изголовье.

И ты постигаешь атласные тайные бездны,
Безглазо, безгласно, дрожа,
как в священной болезни.

Сардониксы век тяжелы, а ресницы сурьмяны,
И на алтарях зажигаются связки тимьяна.

Меж тёплых столбов над кудрявою чёрной травой
Всё может любовь и все сразу свершит над тобою.

Когда отдаёшь свою радость, ликуя, стеная,
Она это золото бога берёт, как Даная,

Понтийскую влагу и соль награждающей плоти,
И шёлковых струй не удержит в нежной щепоти.

А ветер Боспора оливам несёт колыханье,
Когда ты, блаженству покорен,
лежишь без дыханья.

Болезненное отчуждение полов...

о. Александр Мень

Есть в порыве желанья вражда.
Даже в самом доверчивом «Да»
Неприкаянной нежности стон
И несчастных сердец отчужденье.
Ужасающий миг нападения
В ритуале любви затаён.

Не вини ты меня, оглянись,
Это он нас разъял, эллинизм,
Где борьбой измождается ночь,
Только мальчики снятся поэтам.
Разве низменным нам, невоспетым,
Эти тысячи лет превозмочь?

Ты похож на меня, мы родня:
У тебя два соска, у меня.
Так помечены мы навсегда
Краснотой земляничин невинных,
Семядоли ростка, половины,
Близорукого взгляда слюда...

Старый плед, как овечье рядно,
Чтоб вернуться навечно в одно
Нерождённым ребенком... Он тих,
Ни мужского, ни женского нету,
Капля жизни, не явленной свету,
Рыбкой дремлет в объятьях твоих.

Нефритовый перстень

Он из лавы возвращен,
Древним хладом сгущен.

Не для ласковых жен
Он алмазом точен,
О, зеленая плоть без изъяна...
Он для замкнутых уст!
Сердцевиною пуст,
Чтобы палец обнять безымянный.

И нечистая речь
Не обманет мой слух.
Он – прекраснейший из амфиболов...
О, как буду беречь
Этот камень старух,
Он от яда хранит и от боли.

Словно верности знак,
Леопардовый зрак
Спрятан властью ревнивой в нефрите.
Дольше нас не живи,
Вечный перстень любви
Одноглазой вдовы – Нефертити!

1985

Saga pedo* на развалинах Херсонеса

Кузнечик непорочного зачатья,
Степная дыбка в зелени сквозной,
Свидетель триумфального несчастья,
Веков меланхолический связной...

Ты – воплощение женственности хищной,
В роду твоём, не знающем самцов,
Живой, подвижной лакомится пищей
Весёлое потомство без отцов.

Но здесь, в краю, где каждая победа
Десятки жизней уводила в ад,
Философ равнодушный, Saga pedo,
На гераклейских зольниках твой сад.

К проломам стен по тропкам проводимы,
Мы мнём бурьян невидимых могил
Здесь, где крестился хитрый князь Владимир,
Когда осадой Корсунь** покорил.

Бесполой вид, своих мужей сгубивший,
Мир, оплодотворённый на крови...
Мы ищем на разграбленном кладбище
Те знаки архаической любви.

* Степной кузнечик, самка которого может давать потомство без участия самца.

** Название Херсонеса в русских летописях

Алхимик

Он в окиси кремния знал синеву
Ликийской лазури вечерней.
Он в Лету гляделся и был наяву
Погибельных влаг виночерпий.

Он взвешивал жёлтые блёстки солей,
И, записей тайну лелея,
Он серые губы подруги своей
Укусами делал теплее.

Но были отравлены век лепестки
И вен водопад васильковый.
И длинными пальцами трогал виски,
Дыша кислотой плавиковой.

И сущности те, что не можно понять,
В пластмассовом слил он корыте,
А в древности жгучую дрянь сохранять
Могли лишь в ослином копыте.

В структурную формулу спрятав меандр,
Он к вечности сделался ближе.
Не так ли Великий погиб Александр,
Хлебнув экзотической жижи?

Несчастный искатель кристальных основ,
Фанатик летальной науки,
Во всеисцеляющем таинстве слов
Нашедший лишь смертные муки...

1990

Как хорошо, что больше ничего,
Что больше ничего уже не надо,
Когда экстазу каменной менады
Не отзовется страстно существо.

Одним оцепенением тоски
Оно полно, почти окаменело.
И зренье рвет на мертвые куски
Летящее восторженное тело.
1965

Будто плачет о нашей судьбе,
Будто знает печальный итог
Эта роза, что вся — о тебе,
Темно-красный засохший цветок.
Почернели ее лепестки,
Как моя голова поседела.
Я жила и вперед не глядела,
И очнулась у вечной реки.
Будто помня о нашей беде,
Снова в заросли жизни зовет,
По стигийской, по ртутной воде
Эта красная роза плывет.
1994

Тяжба о Черноморском флоте

Пороховую размечи завесу,
О, покровительница Херсонеса,
Богиня Тихэ* в башенном венце,
С улыбкою на глиняном лице,

Приди сюда и защити свой город!
Он замер под конвоем субмарин,
Он в море смотрит язвами куртин,
А в чанах бродит виноградный солод.

Его базилик мраморы прохладны,
Его мозаик лотосы нарядны,
И меж развалин высмотреть отрадно
Головки маков малых, а репей
Так любяще цепляется к подолу.
Приди сюда по смальтовому полу,
Из тайного источника испей,

Из красной той трубы, что при осаде
Велел рубить Владимир. В этом граде
После победы окрестился он.
И отнял, чтоб молиться неустанно,
С корсунским серебром Юстиниана
Цветкообразный крест-энколпион.

* Тихэ – в греч. мифологии богиня удачи.

Но снова пахнет горько или сладко
Цикорий, кориандр и белена...
Над морем накренившуюся кладку
В объятья ловит вечная волна.

Покудова Россия с Украиной
Не могут поделить металллом,
О гераклейской роскоши наивной,
О византийской гордости былинной
Я думаю – о новом, о былом,

О русском горе, о хохлацком лихе,
О девочке средь монастырских лоз,
Чьих двух сестёр извёл туберкулёз...
Приди сюда скорей, богиня Тихэ,
Укрой дождём божественных волос!

Думала, что не могу,
 что здесь выживать недостойно.
Как в нищете красоту,
 светоносную сущность искать?
Но поучала судьба,
 так причудливы были несчастья,
Что и системою бед
 жизнь восхищала меня.

Слёзы, что выжгли глаза,
 падают так вертикально,
Раны красны оттого,
 что в них почвы железная кровь...
Думала, что не могу
 в этом ужасе, в этом зловонье,
Вышло – жива и в петле,
 оказалось – жива и в могиле.

В тленье самом есть тепло!
 Распадаясь на сонмы молекул,
Сложное станет простым,
 из цепей будет множество бусин.
Древних обычай –
 в огне после смерти найти очищенье.
Греет сверхновые звезды
 отчаянье бедной любви.

Я шерсть покупала,
болгарских овец вспоминала,
тех серых овечек,
что вьются по белым горам,
тех белых, что, блея,
бегут к затененным дворам.
И в свитере сером
мой мальчик, мой сладкий сынок,
он в памяти мал еще,
там он бежит со всех ног
по серым колючкам,
где зноем цикорий прибит,
по жилистым корням,
чтоб в жизни уже не забыть
тех белых овечек,
их трогательных курдюков,
олив сребролистых,
наверно, из римских веков.
Летучую самку,
исчадье весны муравьиной,
спасает из вод
в доброте своей неутомимой.
Глядит круглоглазо,
смеется вприщур, как отец,
в кольчужке колючей
из пряжи болгарских овец.
В краю, где обвалы
по тропкам идти не велят,
где веки от солнца
и радости жгучей болят...

На раскопках

На развалинах маки цветут,
Млечник желтые головы клонит,
Тачки мечутся, мётлы метут,
Прах ложится на лоб раскаленный.

И несет вдоль пологих валов
Вавилонский свой профиль бай Петре.
И под крики зубастых ослов
День разбит на квадратные метры.

В темно-желтых шальварах, смугла,
Ты, смелейшая в тесном семействе,
Нина-Нина, что русский сдала
На шестицу* в училище местном...

День смешал черноту, худобу,
Драку ревности, кости могилы.
Ну, цыганка, скажи мне судьбу,
Иль свое ремесло позабыла?

Ты сидишь, сигарету палишь
С мусульманскою твердостью веры,
А от зольников, от пепелищ
Жестки кудри, а волосы серы.

* В болгарских школах шестибальная система отметок.

Грубый заступ о камни стучит.
Скло* витое славянских браслетов,
Ржавый мергель да чрево печи...
От загара почти фиолетов,

В ярко-синей спецовке бредёшь,
Местный Ангел, Али темноликий,
Откопав византийский градеж,
Праболгарский грабёж превеликий.

А в порту отправляют в Ливан
Тихих овнов пушистые орды.
Агнцы божьи, по белым хлевам
Вам не прятаться с кротостью гордой.

Овчье племя, густое руно...
Белый магний грошовой потехи,
Где в цыганском ночном казино
Блеск и грохот хмельной дискотеки.
Балчик, 1987

* Стекло (южн., зап. и церк.-слав., устар.)

Град Балчик

Душа встрепетает на шепот, на шелест...

Здесь голуби с черной подковой на шее,

Здесь белые тротуары

и траурные листки на стенах:

«Три дня», «Одна година»,

печальный помин-оповест.

Здесь в дом на руках вносят невест,

В молитве вечерни,

как в зное прополки, стоят на коленях.

Здесь в храме все в трещинах своды,

грехи не замолены,

И здесь чесноком, молоком и мёдом

пахнут слова.

Несутся потоки по скалам,

по светлым промоинам,

И белое с красным — живые цвета естества.

Шаги по развалинам скоры, неловки,

И под ноги лезут цветки камнеломки.

Застенчивый крошечный корень

крушит известняк.

И в море на дюйм каждый год

погружается город.

А в камне так много железа,
что дождь и весна

До рыжих потеков раскрашивают эти горы.

И солнце, и ярый багрец индюшиных зобов,
И, клюв запрокинув,
поморник свой клёкот глотает,
И крыш черепица,
и клацанье длинных ослиных зубов,
Цементное кладбище, маков пыльца золотая.

И пенье грудное в пронзительном зное,
И чубрица вьется, и горлица ноет...

Придя в этнографский* музей, я узнаю потом
Болгарскую веру,
на платье крестьянское глядя:
На нижней рубашке (что к сердцу!) —
всё сдвоенным шито крестом,
А всё, что снаружи, — покорной турецкою гладью.

Высокая церковь... Как стройно поют о любви
Седые старухи в субботней своей церемонии...
И что-то родное обнять меня норовит,
И слез не скрываю,
и щурюсь, как будто от молнии.

Болгария, 1989

* Этнографический (болг.)

Язык Болгарии

«Летиште» тут зовут аэропорт
И кротостью овечьих белых морд,
И зрелищем венчанья память кормят.
В златарницах, где драгоценный звон,
В сладкарницах, в садах, со всех сторон,
Во всех словах я чую эти корни

Славянские. И железарниц* зов —
Ножей калёных, дырчатых подков,
Названий старых тяжесть вековая.
Здесь «обич» — не обычай, но любовь —
Хранится в «стаях» (в комнатах) домов,
Сорочку «прана риза» называя.

Здесь так стена от извести бела,
Что в желтом пекле плоть пережила
Дороговизну засухи и мора.
И вот уж труб окисленный металл
Грозе и ливню в лад загрохотал,
Вода несется, сбрасываясь в море.

* Железарня – скобяная лавка (болг.)

То — голосов глубокие низы,
Славянства архаический призыв.
И очи — точно черные черешни...
Но как бы вспомнив «Слово о полку»,
Я по-болгарски горестно реку,
Что пусты храмы, будто все безгрешны.

Но Вечной книги громовое «Аз»
Я слышала на улицах не раз,
Шапкари тут вещают, как пророки,
И говорят, повелевая: «Да...».
Да будет в этой речи навсегда
Небесной силы напряженный рокот!

1983-1987

Ты знаешь этот мир до-грешный,
Где дух и тело – не враги,
Когда взросление поспешней,
Чем рост мальчишеской ноги.
Там ныне дикою черешней
Нам красит пальцы и шаги.

Античной болью камни святы
С её жестокой простотой,
С её призывом «Путник, стой!».
И лишь потом Христос распятый
Притянет новой красотой

Отданья, а не обладанья...
И я ищу черты страданья
В подземных ликах древних стел,
Замшелых надписей рыданья
Над пеплом неотпетых тел.

И через жизни, через годы,
Сквозь волны сероводорода
Лью с покаянным торжеством
Дистиллированную воду
На мраморный, на белый ствол,
Гася вражду страстей и долга,
Но не могу сдержать восторга
Пред окаянным божеством.

Возле церкви в селе Городня
Никогда не положат меня.

В светлый день, неизвестно который,
В этот серый пустой крематорий
На машине свезут, как в гараж,
Где казенная пленка долдонит,
Хризантемы мне вложат в ладони.
Как ты мерзок, подземный этаж!

После этой возни похоронной
Только серые будут вороны
Ликовать от весны и кричать,
Потому что я так их любила,
Словно что-то родное мне было
В их носах, и прыжках, и речах.

Я подводную искру, понтелу* ловлю,
Я античное чувство свободы люблю,
Архаический облик носатый,
Обтекаемость каменных статуй.

Эти курсы, коры, застенчивость лиц,
Где гадают, считая божественных птиц,
Упоенье веселием мудрым,
Эти кудри, пиксиды для пудры.

И претит мне наш пятиэтажный комфорт,
Хоть неумный наместник доволен и горд.
Нет, на плитах классически ровных
Я согреюсь над углем жаровни.

Я останусь у чёрных камней очага,
И тогда мне особенно жизнь дорога,
В толстых стенах упрятанный город,
Где работа, и ветер, и голод,

Где короткой судьбою (лет в сорок всего)
Управляет улыбчивое божество,
Где не знают о будущих эрах
И вино разбавляют в кратерах.**

* Понтела – микроскопическое морское животное класса простейших, обитает в Черном море.

** кратеры – античные сосуды.

Только молодость, только над морем восход
И струение аквамариновых вод.
И в трёхгорлые льют ойнахои*
Виноградное пламя сухое.

Но придут полнотелые девы камей
И прозрачные руки протянут ко мне,
И сквозь холод и твердь халцедона
Я узнаю, что радость бездонна.

Я пойду на зелёный, в промоинах, склон,
Я найду тетрадрахму (восторженный конь
На монете царя Митридата).
Так я счастлива, так я богата!

* ойнахои – античные сосуды.

Езда в тумане

Мы пили холод белого азота
И возмущались осенью в Крыму,
Что море третий день без горизонта
И сосны длинноиглые в дыму.

И нет, казалось, ничего на свете,
Никто не виден – он одет иль наг?
Хотя и поднят, вовсе незаметен
Желтокрестовый карантинный флаг.

И словно бы мы получили вызов
В двадцатый век, в двадцатые года,
И гнали нас штыками кипарисов,
И мы решили: «Ехать!», но куда?

Когда из молока степные зайцы
Выпрыгивали с визгом на бетон,
Расстрельных дел последние абзацы
Плетнями строк вставляли с двух сторон.

И чуя кровь на травоядных мордах,
Перерожденью страшному дивясь,
Я всё ждала, вот, выйдет солнце мертвых
Скрепить веков убийственную связь.

Под рок-н-ролл магнитофонных плёнок
Мы мчались прочь, невидимые все,
Когда внезапно закричал ребенок
В хибаре возле самого шоссе.

И сила плача небо разломила,
И голубое, хлынув из него,
И осветило, и благословило
Несчастливого младенца своего.

И мы друг друга опознали снова,
Чтоб вновь блудить, бездельничать, мечтать.
И одного единственного зова
Достало, чтобы морок разметать!

2013

Море лежит в перламутрах Марке.
Пенному плеску покорен,
Город на глинице и на песке
Солнцем и бедностью сморен.

Лестницы в стенах, чуланы в скале
Затхлой прохладой объемлют,
Где-то в сортирной таинственной мгле
Красные бабочки дремлют.

Но почему на безлюдной горе
Пахнет вином, «Изабеллой»?
Вроде, не осень, а май на дворе...
Это цветение белой,

Старой акации. Славно следить
Скопище белых акаций,
Снизу легко по террасам всходить,
От красоты заикаться,

И зарекаться любить не своё
Возле колонн перистильных...
Вот он, олией* налит до краев
Красный ольвийский светильник,

* масло (укр.)

Словно и не было этих годов,
Горестных десятилетий,
Снова брожу меж забытых садов,
Благоуханных соцветий.

Здравствуй-прощай, в расставанье даря
Страстью цикадного хора,
Но не дожидаться уже сентября
С горками тыкв у забора...

Я навсегда попрощаться хочу,
В сердце мечту не впуская,
Просто последнюю песню шепчу,
Сладость акаций вдыхая.

2011

Реставрационная баллада

Расчищали мраморную стелу
С лошадьё рельефною внизу,
Сочиняли смесь воды и мела
И вдвоем в пластмассовом тазу

Всё месили каменное тесто,
Но тогда среди надгробных стел
На чужую стройную невесту
Лишь тайком он искоса глядел.

Гордая, худая, молодая,
Словно и не видит ничего.
Кто бы знал! Она уйдет, рыдая,
Через год от мужа своего...

Говорили только о лошадке:
Привозной античный матерьял.
Руку девы в латексной перчатке
Ни на миг в руке не удержал.

А лошадка в упряжи ременной
Всё казала доблести свои,
Словно бы служба несовременной
И такой застенчивой любви,

Чтобы в гонке реставрационной
Друг от друга им не отойти,
Не затмили б речи Цицерона
То, что здесь пора произнести!

Не сбылось! Всё хорошо, всё гладко,
Всё смешно, никто не виноват...
Где теперь античная лошадка,
Врезанная в каменный квадрат?

2013

Статуэтки Танагры

Когда-то с двухкопеечных открыток
Внезапно заглянули в жизнь мою,
В провалы артистических попыток,
В разметанную по миру семью.

Под глиняными зонтиками дамы,
Из древних извлеченные гробниц...
И ни следа от похоронной драмы
На щечках этих акварельных лиц.

Как будто из усталости психоза
В доверчивость блаженный переход ...
Оглядывающихся терракот
Спокойные бесхитростные позы.

Их пеплосы, их складчатые платья
И красной охрой тронутые рты...
Чтоб хоть на миг могла себя отъять я
От стройки, от конторы, от плиты.

Они явились в этих плоских шляпках
И возникали, нежные, из тьмы
В ночах плацкартных, на донецких шляхах
И в медном дыме воющей Пышмы,

Где свалки жгут и где мужчины наглы,
И страшно сквозь толпу к метро идти...
Застенчивые женщины Танагры
Зовут в свои подземные пути.

1965 - 2014

Радуйся!

На греческих плитах могильных

написано «Хайрэ!»

«Радуйся» или «Привет»?)

Дикий шиповник благоухает,

Слепит тополиная круговерть.

Смотри в эти мокрые лица, на листья,

На трепыханье живых!

Радуйся,

когда в ликовании ливня

Майские черви влекутся на гудрон мостовых.

Радуйся, когда отяжеляет кровли

Снежная благодать.

Щурься от света сквозь веки,

от солнечной крови,

Ведь могли вообще убить,

ничего не дать!

Радуйся тому, что тепло,

почти двадцать градусов,

Если ты можешь дышать, радуйся!

Только вернись

после смерти и после сожженья!

Белою стелой обещана трапеза впредь:

Ложь и стол,

виноградного сока брожение...

Как хорошо жить

и как хорошо умереть!

СОДЕРЖАНИЕ

«Как хочу я забыться...».....	5
Гора Митридат.....	6
«Я тайные слова свиваю...».....	7
Город Керчь.....	8
«Я нашла на горе такую игрушку...».....	9
Купанье.....	10
«Весенних оргий символ...».....	11
«На керченской набережной, где волна...».....	13
Проклятье.....	14
«От жизни всей моей отличная пора...».....	16
Прорицания древности.....	17
«Когда бессоннице на помощь...».....	18
«Как я люблю твой голос отдаленный...».....	19
«Кириллов монастырь и перламутр озер...».....	20
Больница.....	21
«О, сестра моя, Пенелопа ... ».....	22
«Я помню, как в первый раз...».....	23
Брошенный город.....	24
«По колена в снегу и по плечи в сирени...».....	25
«Не прикоснись, мне больно, если вдруг...».....	25
Курганы Крыма.....	26
«Сожги и это позднее письмо...».....	27
«Это локаторы ищут в ночи ... ».....	28
«Сто лет прошло – и я уже другая...».....	29
«И когда я смотрела с горы на пожар...».....	30
«В этом прямоугольном закате...».....	32
«Есть в Херсонесе места...».....	33
Херсонес.....	34
Стихи от мужского имени.....	35
«Она тебя любит, как будто играет на флейте...».....	36
«Есть в порыве желанья вражда...».....	37
Нефритовый перстень.....	38

Saga pedo на развалинах Херсонеса.....	39
Алхимик.....	40
«Как хорошо, что больше ничего...».....	41
«Будто плачет о нашей судьбе...».....	41
Тяжба о Черноморском флоте.....	42
«Думала, что не могу...».....	44
«Я шерсть покупала...».....	45
На раскопках.....	46
Град Балчик.....	47
Язык Болгарии.....	50
«Ты знаешь этот мир до-грешный...».....	52
«Возле церкви в селе Городня...».....	53
«Я подводную искру, понтелу, ловлю ...».....	54
Езда в тумане.....	55
«Море лежит в перламутрах Марке...».....	57
Реставрационная баллада.....	58
Статуэтки Танагры.....	60
Радуйся!.....	61

Литературно-художественное издание

Серия «Поэтическая библиотека»

Постникова Ольга Николаевна

ПОНТИЙСКАЯ СОЛЬ

Редактирование и корректура

Лариса Спиридонова

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Верстка

Светлана Спиридонова

12+

Подписано в печать 30.05.2014.

Формат 70х/32. Усл.печ. 2,8.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ №402.

«Время»

115326 Москва ул. Пятницкая, 25

Телефон (495) 9515568

<http://books.vremya.ru>

e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в соответствии

с предоставленным оригинал-макетом

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>, e-mail: books@uralprint.ru

Среди авторов стихов, которые мне известны в последнее десятилетие, Ольга Постникова одна из тех, из немногих, которые являются поэтами. Ее книги оригинальны не потому, что автор хочет быть оригинальным, а потому что они – поэзия, художник видит мир по-своему и по-своему его рисует. По профессии Ольга Постникова – реставратор памятников архитектуры, но в области стиха она не реставратор, а зодчий слова.

Семен Липкин

Читая строки Ольги Постниковой, понимаю, что хочу того же: полноты и радости жизни, самодостаточности каждого мгновенья. А ее стихи о любви – о любви сладостной, ликующей, полной огня и неги. О любви, которая живет в самой плоти стихотворения, в его вкрадчивых, влажных, льнущих звуках, в его особом завораживающем ритме.

Лариса Миллер

Слово О. Постниковой не фальшивит, не кокетничает, не бьет себя кулаком в грудь, оно дышит и страдает, воссоздает былое и строит собственную новь.

Татьяна Бек

Оставаясь в лучших традициях отечественной поэзии, Постникова глубоко самобытна и современна и в языке, и в поэтике, и в интонационном строе стиха.

Николай Панченко

ВРЕМЯ [http:// books.vremya.ru](http://books.vremya.ru)